

Недовольство, протест всегда можно «канализировать» в нужном направлении

Л.И. Никовская, доктор социологических наук

Первое, что мне показалось интересным, это что докладчик развел политическое и юридическое описание категории суверенитета. Помимо этого, мне показался продуктивным вывод в отношении того, что отставание России на 400–500 лет от общего контекста развития цивилизации — это не догоняющее состояние, это особое качество, которое позволяет анализировать наше общество в своих самостоятельных системах координат. Но в самом докладе многое строится на применении метода исторической экстраполяции. А.И. Фурсов вполне справедливо обратил внимание на уязвимость метода экстраполяции в нынешних, очень динамичных условиях развития современного мира. Продуктивно ли сегодня анализировать понятие «суверенитет» через этот метод? Насколько он применим?

Мне, в свою очередь, хотелось бы бросить критическую реплику в отношении Вашей формулы суверенитета как единения или единства факта власти и его признания. Я недаром задала Вам вопрос именно по поводу политического аспекта понятия «суверенитет». Вы мне так на него и ответили. В Вашей формуле категория власти понимается как данность. Вот власть есть власть. Она есть политическая собственность. Но только что в своих выступлениях А.И. Соловьев, А.Л. Андреев и другие блестяще показали, насколько «рукотворна» и динамична сегодня категория власти, какие сложные явления она в себя включает, чтобы стать на какое-то мгновение

фактом статической данности. И я могу подтвердить, что с точки зрения политической социологии и политической конфликтологии такое объективистское отношение к категории власти — «власть как данность, власть как объективный факт» — сегодня вещь довольно контрпродуктивная и мало дающая для анализа современной политической реальности. Мне кажется, что в понятие категории суверенитета — хотите Вы это признавать или не хотите, — на фоне мощных процессов глобализации, в которые мы уже включены, власть все в большей степени является фактом политической действительности, выступая очень подвижной, «рукотворной», очень гибкой, очень динамичной реальностью. Она приводит действительно к очень сложным, часто амбивалентным, очень противоречивым сочетаниям различных факторов. А.И. Соловьев привел Вам навскидку комбинацию трех факторов: «контроль за ресурсами», «баланс сил», «состояние самих операторов власти». В этом смысле в Вашей формуле, которую Вы нашли для раскрытия содержания категории суверенитета как «единства факта власти и его признания», Вы сами начинаете себе противоречить. Ведь в контексте глобализации (почему так болезненно высветил этот момент С.С. Сулакшин!) феномен суверенизации, суверенитета особенно остро ставит вопрос о самостоятельности власти в государстве. Ваша двуединая формула становится очень напряженной: если не получается единства, не получается добиться внутреннего суверенитета и независимости во внешних делах? А если внутреннее желание и умение самим определять свою судьбу и нормы жизни в своем обществе встречают активное противодействие со стороны внешних игроков? Если идет торг или просто борьба за внешнее признание? Попросту говоря, сам факт власти сегодня в Вашей формуле становится функцией от признания ее внешними силами, определяющими глобализационные процессы, которые пытаются влиять на внутренние дела в своих интересах. Отсюда действительно получается, что категория власти

является рукотворной категорией, фактом очень сложной и динамичной реальности.

Отсюда возникает интерес к проблемам социологии изменений: к феномену протеста, к праву народа на протест, на революцию. В нынешних условиях политической глобализации, когда вошли «в норму» политико-гуманитарные интервенции: кто, в чьих интересах может воспользоваться энергией протеста — имеет ли право в этих условиях существовать оппозиция, или она заведомо — враг политической системе? Видите, какой функционально нагруженной выступает категория власти в контексте проблем суверенитета государства: политический режим может манипулировать властью, решая свои эгоистические задачи, а может укреплять власть, избегая статуса придатка внешних геополитических акторов, и т. д.

Вообще говоря, если следовать Вашей формуле — и Вы недаром сделали такой глубокий экскурс в сторону признания власти монархии, — я не могу здесь не вспомнить Сеймура Липсета, который высказал, почему монархия в столь динамичном мире оказалась одной из устойчивых форм правления. Именно по критерию *устойчивости*. Да потому что в ней источник власти в лице самого монарха и конкретный репрезентант власти в лице, скажем, премьер-министра, главы Кабинета министров, разведены. Это позволяет переадресовать недовольство, которое копится по поводу конъюнктурного использования власти, от самого источника власти, которым выступает монарх, в сторону самого оператора-репрезентанта власти.

Если возвращаться к реальной России и говорить о том, как сложно ей дается утверждение своего суверенитета в глобальном сообществе, в условиях транзита, то ресурс «игры» на дуалистичности организации власти в государстве осваивается все более активно: в ней президент — арбитр, гарант, стоящий над всеми ветвями власти; у него есть «техническое» правительство, где сидят «плохие» бояре и нетолковые менед-

жеры. И всегда можно «канализировать» в нужном направлении недовольство, протест и, тем самым, достаточно длительное время удерживать ту власть, которая выгодна правящим игрокам власти, сильным операторам власти. И так «творится» факт власти. И формируется сложный политический феномен суверенитета страны. Таким образом, думается, что при ближайшем рассмотрении Ваша конструкция, при всем том, что она пронизана вдохновенным вниманием к историческим экстраполяциям и т. д., при ее проверке на реалистичность оказывается все-таки очень противоречивой.

